

**И.Д. КОВАЛЬЧЕИКО - АКАДЕМИК-СЕКРЕТАРЬ
ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИИ РАН**

Уважаемая Тамара Васильевна, уважаемые коллеги! Мне хочется искренне поблагодарить организаторов нашей сегодняшней встречи: Исторический факультет, кафедру за эту прекрасную возможность сказать об Иване Дмитриевиче то, что есть у каждого из нас. Для многих из собравшихся в зале и для меня Иван Дмитриевич - человек особого измерения, личность уникальная, и масштаб этой личности, мне кажется, будет определен не сегодня, не сейчас, а через какое-то, может быть, даже продолжительное время. Потому что только время может стать той лакмусовой бумажкой, которая позволит настоящему оценить все то, что сделал Иван Дмитриевич для исторической науки, разных научных учреждений, для Университета, для журналов, для Академии. Так получается, что я говорю о роли Ивана Дмитриевича как академика-секретаря как бы в последних рядах выступающих. Мне представляется, что это естественная, понятная позиция организаторов нашей конференции. Мне лично представляется, что как раз работа Ивана Дмитриевича в должности академика-секретаря - это важнейшая работа, в последние годы занимавшая одно из первых, если не первое место в общем круге его обязанностей. Это была тяжелая работа, которая, на мой взгляд, забрала большую часть его здоровья, уже не слишком крепкого, и в какой-то мере ускорила его кончину.

Говорить об Иване Дмитриевиче как академике-секретаре Отделения истории можно много. Эта должность подразумевает наличие у ее обладателя, помимо квалификации ученого и организатора, целого ряда самых разнообразных качеств.

Прежде всего, следует сказать о высоком профессионализме Ивана Дмитриевича как ученого, его умении практически мгновенно схватывать суть как научной, так и научно-организационной проблемы, умении внимательно слушать собеседника, его деликатности, подлинной интеллигентности. Среди необходимых достоинств я бы отметил его артистизм, когда он в некоторых ситуациях мог выступать как искусный актер, проявляя вулкан энергии, демонстрируя властность, иногда жесткость, но все это к месту. И мне представляется, что в этом плане Иван Дмитриевич обладал большими талантами и применял

их в той мере, в которой это необходимо. Я не могу ответить на вопрос, являлись ли эти качества прирожденными или были выработаны практикой общения с людьми.

Работа Ивана Дмитриевича академиком-секретарем хронологически делится как бы на две части: период с момента избрания на эту должность в 1988 году до начала 1992 года и период, они примерно равны, с 1992 по 1995 год включительно. Я говорю включительно по 1995 год, потому что я слышал мнение, будто в последний год, накануне кончины, Иван Дмитриевич отошел от дел, был не активен, проявлял мало интереса к работе... Это совершенно не так. До самых последних дней, а был я у Ивана Дмитриевича в последний раз, по-моему, дня за три до его смерти, был с делами, и Иван Дмитриевич заразительно хохотал над одной из ситуаций, которая сложилась в нашем деле. Я был поражен той силой жизнелюбия, нестигаемой силой воли, с которой он сражался с тяжелейшим недугом.

Второй период его работы академиком-секретарем оказался очень тяжелым. Это было время, когда на страну и на Академию обрушились известные всем невзгоды. Для Академии этот период обернулся тяжелейшим финансовым положением, которое сохраняется, впрочем, и сегодня. В этих условиях можно было действовать двояко: либо плыть по течению, пассивно ожидая развития событий, либо активно приспосабливаться к жизни, используя имеющиеся возможности и средства для того, чтобы извлечь максимум пользы из складывавшейся ситуации. Иван Дмитриевич не был бы самим собой, если бы не пошел по второму пути. Здесь стоит сказать, что этот путь был направлен на то, чтобы сохранить роль Отделения истории как основного научного и научно-организационного центра в Академии наук. В этом плане Отделение должно было постоянно анализировать состояние и тенденции развития мировой и отечественной науки, определять основные направления научных исследований, осуществлять их координацию, работать с научными журналами, издавать научную продукцию, развивать международное научное сотрудничество. По всем этим направлениям Иван Дмитриевич занимал активную позицию, действовал энергично. Для него было совершенно очевидно, что те задачи, которые Отделение и Академия решали до 1992 года, уже не могли решаться как прежде. Для этого уже не было прежних условий.

Он считал, что необходимы не применявшиеся ранее формы активизации научного творчества. Прежде всего, следовало отказаться от уравнительной системы оплаты труда ученого, развивать свободу научного поиска. Теоретически для такой постановки вопроса существовали все предпосылки, а именно: От-

деление истории само распределяло бюджет своих учреждений и определяло процентное соотношение между ними. Иван Дмитриевич предложил трехступенчатую схему распределения бюджета: 80% общей суммы должно было распределяться между институтами (включая Архив РАН и Кунсткамеру) согласно сложившейся к началу 1992 года традиции. Это было "зарплатное" финансирование. 15% от общей суммы предполагалось расходовать на конкурсной основе на научные программы институтов. С этой целью создавалась специальная комиссия из членов Отделения истории. По сути дела эти деньги тоже шли бы на зарплату, но как бы в качестве поощрения тем ученым, которые разрабатывали наиболее значимые институтские проекты. Остальные 5% бюджета Отделения истории предполагалось использовать для финансирования научных проектов Отделения, в частности межинститутских научных программ, издание научных трудов, международные научные связи, повседневные нужды Отделения.

На практике, несмотря на большие усилия, не всегда получался ожидаемый результат. Не сложилась система 15% финансирования, не удалось открыть собственный счет Отделения в банке (при наличии соответствующего решения Президиума РАН). Шаги, которые могли стать реальным вкладом в реформирование РАН на уровне Отделения, не были сделаны из-за недостаточного и неритмичного финансирования. И все же успехов у Ивана Дмитриевича было гораздо больше. Он внимательно следил, чтобы в общем бюджете Академии не уменьшалась доля Отделения истории, что при постоянных перепадах в финансировании, изменении курса рубля могло быть сделано вольно или невольно. Он тщательно следил за справедливым соотношением в распределении средств между учреждениями Отделения истории. Наперекор обстоятельствам, низводившим Отделение до заурядного академического органа передачи бумаг, он стремился повысить его роль за счет разработки новых научных программ. Здесь уже Александр Оганович кратко говорил об этом. Иван Дмитриевич активно поддерживал все новейшие начинания ученых. В условиях, когда исследователи могли свободно выражать свои научные взгляды, были собраны предложения всех институтов Отделения истории. Они составили единую программу, которая получила название "История мировой цивилизации и судьбы России". Эта программа активно поддерживалась Иваном Дмитриевичем по мере имеющихся денежных средств.

Иван Дмитриевич считал, что финансирование научных учреждений в современных условиях должно быть множественным. В этом смысле он приветствовал появление различных

фондов: Российского фонда фундаментальных исследований, а позже - Российского гуманитарного научного фонда. Но он был одновременно решительным сторонником создания и сохранения Фонда научных исследований, которым распорядилось бы Бюро Отделения истории. Создать собственный фонд Отделения истории Ивану Дмитриевичу не удалось. Когда-то, в самом начале, приглашая меня в Отделение истории, он сказал, что если мне удастся создать расчетный и валютный счета в Отделении истории, то будет решена одна из самых главных задач в нашей работе. Эту задачу нам решить не удалось, но попытки решить ее не прекращались до самого последнего времени.

В плане реализации научной программы было достигнуто многое, поддержано несколько десятков научных проектов. Конечно, это была поддержка чисто символическая, но Иван Дмитриевич был убежден в том, что моральная, человеческая поддержка может иметь большое значение для ученых в наше непростое время.

В актив Ивана Дмитриевича можно внести две инициативы. Первая - это создание альманаха "Исторические записки", который, по мысли Ивана Дмитриевича, должен был синтезировать новейшие результаты в области теории и методологии истории, учитывая как достижения ученых Европы, Соединенных Штатов, Японии и т.д., то есть историков всего мира, так и достижения отечественной исторической науки. Первый номер Иван Дмитриевич не успел увидеть, но альманах уже стал известным. И второе издание, которое, я также считаю, можно отнести в актив Ивана Дмитриевича, - это бюллетень Отделения истории, который должен решать проблемы координации научных исследований в области исторических наук. Первый номер бюллетеня был издан уже после смерти Ивана Дмитриевича.

Я хочу поддержать мысль, которую высказал здесь Александр Оганович Чубарьян, относительно того, что в качестве академика-секретаря Иван Дмитриевич решил одну из важнейших задач - сохранил научные кадры. То есть сохранение или разрушение зависело не совсем от него, но как академик-секретарь Иван Дмитриевич приложил огромные усилия для того, чтобы не пойти на поводу у тех, кто предлагал издать какой-то документ, какой-то приказ, найти какое-то бюрократическое решение для автоматического безусловного сокращения научного потенциала в институтах Академии наук. Иван Дмитриевич решительно выступал против какого бы то ни было искусственного сокращения, решительно боролся за сохранение основного ядра, можно сказать, основного потенциала в Академии и, я ду-

маю, что ему это удалось. Если и происходило и происходит сокращение, уход ученых в другие учреждения, то этот процесс, к сожалению, неизбежный, поскольку Академия в наше время, в наши дни стала исключительно плохо финансироваться.

Я хотел бы сказать, что Иван Дмитриевич в качестве руководителя академической исторической науки сделал максимум того, что мог сделать человек с его талантом, энергией, умом, с его инициативой. Приходится признать, что сейчас условия складываются не совсем благоприятно. Видимо, идеи Ивана Дмитриевича еще не востребованы. Я думаю, я в этом убежден, что рано или поздно, многое из того, что делал Иван Дмитриевич, будет оценено положительно и найдет какое-то развитие в будущей деятельности руководства не только Отделения истории, но, я думаю, и других отделений в Академии наук. Относительно своей работы в должности академика-секретаря Иван Дмитриевич, мне кажется, мог бы сказать, что он сделал на своем посту все, что мог, и пусть тот, кто может, сделает лучше.

По вековой российской традиции всегда находятся желающие "пнуть мертвого льва". Не стал исключением и Иван Дмитриевич. Наверное, не во всем он был прав в своей жизни, и есть люди, которые со своей позиции могут его осуждать, но не делают этого из чувства собственного достоинства. Много и тех, для кого Иван Дмитриевич на всю жизнь останется самым светлым воспоминанием. Я в их числе.

Спасибо за внимание.